

ЧАСТЬ I

Апрель. 2014 год

День 1

Утро. Утром все обычно куда-то спешат или же лежат в постелях и медленно, лениво размышляют о том, как же им повезло в подобный день остаться дома и как следует выспаться. Сегодня я отношусь, пожалуй, к первой группе людей. И хоть я никуда не тороплюсь, все же опаздывать на сходку скейтбордистов не стоит. В конце концов, это не в моих правилах — сильно задерживаться и заставлять людей ждать. К тому же это мероприятие проходит у нас всего несколько раз в месяц, и как назло, место встречи находится на другом конце города, поэтому даже на метро мне приходится добираться туда около часа, а потом еще пешком идти черт знает сколько. Мама давно уговаривала меня к совершеннолетию получить права и купить машину, чтобы свободно передвигаться по городу. Но после небольшой аварии, которую я пережила, будучи ребенком, у меня присутствует некоторая неуверенность и пугливость за рулем. Я неоднократно это проверяла на несчастных автомобилях моих друзей. Именно поэтому я предпочитаю передвигаться под землей, хотя на сегодняшний день и этот вид транспорта стал небезопасен. В последние два года в метрополитене нашего города творится что-то до ужаса странное: необъяснимо и бесследно там пропадают люди. Это было бы полбеды, но их следы таинственно обрываются на той станции, на которой они спускаются в метро. Проще говоря, зашел человек и не вышел. Об этом постоянно разглагольствуют в новостях, ведут разные дискуссии, проводят бесполезные и капитальные расследования, которые ни к чему конкретному не приводят. За эти два года наша полиция не сумела даже зацепиться за след маньяка. О чем тут еще говорить в таком случае? Я не любительница подобных тем, да и вообще

глобальных новостей, поэтому слежу за развитием событий краем уха. Конечно же, в нашем городе не все такие беспечные, как я. Я заметила, что за время этих загадочных исчезновений количество народа в метро значительно поубавилось, а на дорогах стали скапливаться безумного рода и масштаба пробки, особенно в час пик. Их протяженность и извилистость можно было бы сравнить даже с Великой Китайской стеной. Люди потихоньку начинали сходить с ума от собственных необоснованных страхов и ужасающих догадок. Хотя стоит признать, что за эту пару лет действительно пропало довольно-таки большое число людей. Я все чаще и чаще натякаюсь на различные объявления о пропаже какого-либо человека, а порой и ребенка, что иногда заставляет невольно вздрогнуть. Но если сильно не задумываться на этот счет и плыть по течению жизни, то перестаешь замечать такие вещи. Я не из трусливых девушек и раньше серьезно занималась айкидо, так что в случае нападения маньяка, думаю, сумею дать отпор.

Все-таки, что ни говори, а пять часов утра — это пять часов утра, и никуда от этой цифры не денешься. Особенно в том случае, когда спишь всего пару часов. По закону подлости именно в тот момент, когда я уже собиралась захлопнуть ноутбук и лечь спать, я наткнулась на уникальный в своем роде сайт о скейтбордистах. Там интереснейшим образом были изложены подробные техники и трюки с наглядными видеопособиями в качестве примеров. Я не могла оторваться, а когда подняла глаза на часы, то изумилась тому, как сильно меня затянул сайт. В результате мне удалось поспать не больше двух часов. Будильник на телефоне трещал недолго — я сплю очень чутко, поэтому не составляет огромного труда разбудить меня. Я протяжно зевнула, растянувшись на кровати и тем самым побеспокоив Жирушку. Жирушка — это моя кошка. Еще котенком я вытащила ее из помойки и, как водится, принесла домой, «порадовав» маму, которая, естественно, была против. Но я умею находить к ней подход, поэтому легко уговорила оставить Жирушку дома. Уже с самых ранних лет она была какая-то округлая и пушистая, отчего складывалось впечатление, что кошка толстая. Со временем это уже не было обманчивым впечатлением, так как мама раскормила ее до предела.

Кошка недовольно мяукнула и начала злобно шипеть. Все-таки мама колоссально избаловала эту животину. Теперь ее уже по утрам и пальцем тронуть нельзя! Сразу начинает негодовать.

— Жируха, ты сама ко мне ночью пришла! А теперь еще возмущаешься, — начала ругаться я на домашнего питомца, но та только еще громче затрещала. — Иди вон тогда отсюда! Неблагодарная скотина.

Легким изящным пинком я выпроводила шарообразный пушок из комнаты. Жирушка визгливо выскочила за дверь, оставив после себя только небольшой клочок белого подшерстка, который плавно опустился на пол, покачиваясь в воздухе, как перышко.

— И шерсти с тебя... — процедила я ворчливо, наблюдая за опускающимся невесомым лоскутком. Полежав в позе морской звезды еще некоторое время, я все-таки встала и пошлепала босыми ногами из комнаты на кухню.

Мама еще крепко спала в своей комнате. Дверь ее была плотно прикрыта, поэтому Жирушка не могла пробраться внутрь. Она жалобно начала стенать. Я закатила утомленно глаза и небрежной походкой направилась к кошке, чтобы открыть ей дверь. Я слишком хорошо ее знаю — она не успокоится. Жирушка тут же опростетью бросилась к матери под кровать — это ее любимое убежище. Я же заглянула в комнату, в которую только-только пробрались первые лучи весеннего солнца. За огромным окном царил настоящая утренняя идиллия. Слышалось отчетливое чириканье птиц, которые словно мягко призывали город к пробуждению. Сочные зеленые листики нехотя пропускали сквозь себя рваные лучи света, покачиваясь от легкого ветерка. От этого складывалось впечатление, что на покрывале мамы солнечные зайчики и золотистые блики танцуют вальс, двигаясь в ритме звездного танца. Солнце отражалось от всего в этой комнате: от статуэток и хрустальных ваз, от зеркал — маленьких и больших — и от стеклянных вставок на дверцах шкафа-купе. Вся комната искрилась и дышала отблесками раннего приятного утра, которое мог застать в такое время только бодрствующий человек. К примеру, я. Мама лежала неподвижно посередине постели, мерно и ровно дыша. Я залюбовалась ею — она была прекрасной женщиной, и что-то из ее красоты я была удостоена перенять себе. Не секрет, что мы прибыли из южной страны, поэтому слегка отличались от русских внешностью. Например, цветом кожи и волос, чертами лица. У моей мамы были невероятно длинные кудрявые волосы насыщенного темного оттенка. Ее зеленовато-карие глаза всегда светились искренней добротой и неким детским озорством, что было нетипично для женщины

ее лет. Пухлые большие губы вечно были растянуты в легкой непринужденной улыбке, которая могла порадовать меня в любой из ненастных дней. Я всегда восхищалась ею, хоть сильно и не пыталась подражать. Мою мать зовут Рима, и меня она назвала Софией, когда впервые увидела у себя на руках в роддоме шестнадцать лет назад. Не знаю даже, отчего ей пришлось в голову такое имя. Не спрашивала. Отец оставил нас, когда мне только-только исполнилось два года. Мама почти не рассказывала о нем, а я и не интересовалась. Она всю жизнь справлялась сама, не рассчитывая ни на кого, кроме себя, что вызывало во мне восторженную гордость. Мама добилась немалых успехов, открыв собственную сеть цветочных магазинов в этом городе и став успешной бизнес-леди. Но до этого ей приходилось жить несладко, ведь она рассчитывала на помощь отца, который слинял при первой же возможности. Именно поэтому нам пришлось переехать в Россию, так как тут жили наши родственники. Они приняли маму со мною на руках, но сразу же ограничили время ее пребывания в их доме. Мама же лишних вопросов задавать не стала и, засучив рукава, стала самостоятельно строить свое процветающее светлое будущее. Как видно, ей это удалось весьма неплохо. Конечно же, на личную жизнь времени у нее совершенно не оставалось, и все мужчины, появлявшиеся в ее жизни, исчезали мимолетно и быстро, что порой огорчало меня. Но любимая фраза моей мамы: «Значит, не судьба!» на пару с задорной и неунывающей улыбкой — решала все проблемы разом.

Осторожно и тихо закрыв дверь, я вернулась на кухню и стала готовить себе завтрак на скорую руку, так как времени из-за моих заминок оставалось немного. Меньше чем через час я должна была уже трястись в вагоне метро. Бутерброды и шоколадка с чаем быстро сумели насытить меня, поэтому после я пулей метнулась к себе в комнату и начала рыться в стенном шкафу, ища подходящую одежду для сходки. Моей величайшей особенностью было то, что я обожала порядок и чистоту... только внешне. Стоило открыть шкаф или какой-нибудь ящик или же заглянуть под кровать, можно было бы ужаснуться тому, насколько все запущено. И ничего я с этим не могла поделать. Все же сумев отыскать свободные камуфляжные штаны, любимую бандану, которую я обычно повязывала на руку, короткую светлую майку и удобные кеды, я тут же натянула весь этот комплект на себя и принялась искать чехол для скейтборда. Обнаружился он брошенным за письменный стол.

Сам скейт стоял всегда в шкафу прихожей, и это было мое неоспоримое правило. Вот к чему-чему, а к своей доске я относилась с подобающим уважением и, как говорила мама, с фанатичным обожанием. Она частенько подтрунивала надо мной, что я чуть ли не сплю со своим скейтбордом. Да, это было так. Я отлично катаюсь почти на всем, что имеет колеса или скользящую поверхность: сноуборд, коньки, ролики, велосипед — но поистине я влюблена в скейтборд. Это, пожалуй, то, от чего я в жизни не сумею отказаться даже под угрозой расстрела. Подобное увлечение проснулось у меня еще в младших классах, когда я с упоением наблюдала, как катаются старшеклассники, какие трюки и пируэты они выделывают на досках. Я могла часами наблюдать за ребятами со школьного двора, за тем, как они кувыркаются и получают удовольствие от каток. Мама заметила мой сильный интерес и на день рождения подарила мне мою первую доску. Не передать словами, в каком диком и волнительном восторге я была в тот момент. Я готова была расцеловать и затискать маму. И ведь ей всегда доставляло удовольствие дарить мне подарки, от которых у меня сносило крышу. И каждый раз ей это удавалось.

Из дома я выскочила чуть позже, чем планировала, но это была не смертельная задержка, так что я примерно успевала добраться до сходки вовремя. Я юркнула в лифт и стала спускаться вниз. В кабине висело широкое зеркало, поэтому, пока лифт опускался, я разглядывала себя в отражении. Всю жизнь моя самооценка была в норме: ни высокая, ни низкая — цену я себе знала, как говорится. У меня были слегка вьющиеся волосы цвета нежного молочного шоколада. Они доставали мне чуть ниже лопаток, хотя я всегда хотела их отрастить, как мама, но вечно что-то мешало мне. Лицо мое выделялось из-за толстых бровей, которые были гораздо темнее волос, что порой бесило меня, ибо я ничего с ними не могла сделать: ни выщипать нормально, ни покрасить. Зато глаза радовали — этим я пошла в маму, — они были большие, с красивым восточным разрезом, а их цвет обязательно переливался от светло-оливкового до желтовато-зеленого. Губы и нос мои тоже были похожи на мамины: нос — широкий, но аккуратный, ровный — и губы — пухлые, длинные. В целом, черты лица сложились у меня пропорциональными, мягкими и плавными. Но больше всего мы с мамой выделялись смуглой кожей, которая неплохо контрастировала с общей внешностью. Что касается фигуры, то тут я бы вырази-

лась так: лучше среднего. Все-таки многие-многие часы, проведенные на скейтборде и свежем воздухе, положительно сказывались на моем организме. В общем-то, меня все устраивало, и исправлять я в себе, как большинство девушек, ничего не хотела.

Стоило мне выйти из парадной, на меня тут же волной пахнул свежий воздух раннего утра. На улице — тишь да гладь. Народ отсутствовал вовсе. Конечно! Воскресенье — все спят, а я вот на сходку собралась с утра пораньше. Приостановившись и поправив на плече скейтборд, я направилась в сторону метро, пытаясь по пути прийти в себя и окончательно проснуться, но удавалось мне это с трудом, ведь обычно я привыкла высыпаться по ночам. Я постаралась отвлечься от мыслей о сне, созерцая окружающую природу, которая, несомненно, радовала глаз. Общая атмосфера, царящая на улице, внушала умиротворение и покой. Знаете, это было то самое изумительное время, когда на улице только ты один, и никого вокруг. Лишь деревья и кусты перешептываются таинственно между собой, словно обсуждая твое внезапное появление у них на пути. Теплый ветер гуляет по крышам, как бродячая кошка, свободно насвистывая какую-то незатейливую песенку. Пылинки, как сумасшедшие, скачут по еще чуть влажному асфальту, вода хороветы вокруг твоих ног и исчезая мгновенно в густой траве.

— Благодать какая... — мечтательно прикрыла я глаза, наслаждаясь тем, что происходит вокруг. Вдохнув полной грудью живительный воздух, я, кажется, немного сумела прийти в нормальное состояние, но, учуяв манящий и усыпительно теплый запах метро, моя мимолетная бодрость тут же испарилась.

«Ну хоть ехать долго, до конечной. Успею поспать в метро», — думала я утешительно про себя, спускаясь в подземный переход. Со мной в метрополитен вошла какая-то влюбленная парочка, которая, видимо, возвращалась домой после ночной романтической прогулки. Они встали передо мной на эскалаторе и стали ворковать, совершенно не стесняясь моего присутствия. Не то чтобы меня это смущало, но все же я чувствовала себя неловко в подобных ситуациях. Я воткнула в уши наушники и включила музыку, чтобы отвлечься от голубков.

На станцию поезд прибыл быстро, и я специально выбрала вагон подальше от этих малахольных, чтобы не смущаться еще больше. В результате я попала в абсолютно пустой вагон в самом конце состава, что даже порадовало меня. Я успела заметить, что

все верхние окошки в вагоне открыты нараспашку. Значит, душно не будет, как обычно. Устроив доску между ног и свободно разместившись на сиденье, я погрузилась в музыку, закрыв глаза. Сон настиг меня, на удивление, слишком быстро. Я не просто задремала, а действительно уснула. Но то, что снилось мне, не поддавалось никакому адекватному описанию. Сон состоял даже больше не из картинок, а из звуков. Мне слышались какие-то завывания и утробные рычания. Вся эта подземная симфония больше напоминала мне выступление какого-нибудь неумелого экстрим-вокалиста, который пытается выдать из себя нечто потрясающее и brutальное, но на деле у него совсем нет навыка подобной техники вокала. Это больше походило на некие мучительные стенания и страдальческие агонии, словно издающий эти звуки находился на грани болезненной и безумной смерти. Меня до дрожи в руках пугало это гудение, но я не могла очнуться, хотя сон был очень беспокойным и прерывистым. Я никак не могла зацепиться за конечный образ, который стоял в моей голове, — он вечно ускользал от меня, как будто не хотел, чтобы я видела его. Внезапно я почувствовала резкий толчок и проснулась с едва слышным вскриком.

— ...конечная, — прозвучал механически-дежурный голос из динамика. Я ощупала лицо и, немного замешкавшись, поторопилась покинуть вагон. После такого сна я была рассеянной, но мне необходимо было сосредоточиться. Если я буду не собрана, то сходка пройдет впустую, а это уже плохо отразится на моем авторитете среди скейтбордистов. Я, как всегда, должна показать отличный результат, чтобы не подвести ребят. Все-таки наша группировка весьма знаменита среди скейтеров города. Я остановилась на станции лицом к скамье, поставив на ее испарпанную поверхность чехол. Мне нужно было отдышаться и восстановить душевное равновесие. Подобный сон я видела впервые. А эти кошмарные звуки, эти крики так и стояли в моих ушах, словно ультразвук, который невозможно высверлить даже дрелью, приставленной к виску. Эти рычащие стоны заполнили весь мой мозг, и я вовсе не могла избавиться от них. Мне пришлось закрыть глаза и приложить прохладные влажные ладони к разгоряченным ушам, чтобы хоть как-то суметь справиться с захватывающим наваждением. Когда я открыла глаза, я увидела, что станция совершенно опустела и я стою посреди платформы одна. Вдруг сзади меня раздался

какой-то щелчок с беглым треском, будто кто-то кинул маленький камушек на рельсы. Я встрепенулась и обернулась назад — никого. Тишина угнетала и давила. Я подошла поближе к краю платформы, рельсы задрожали — скоро должен был прийти другой поезд. Присмотревшись, я заметила, что на черной шпале лежит что-то крохотное и светлое. Я взгляделась получше, и мне показалось, что это зуб. Но удивление не успело застать меня врасплох, так как подошел поезд, из которого вышли всего несколько человек. Я захватила доску и направилась к выходу из метрополитена, отгоняя дурные мысли и настраивая себя на позитивный лад, как и всегда перед каждой сходкой.

Солнечная погода продолжала радовать, и через каких-то десять минут я уже совершенно забыла о произошедшем. Я подумала, что было бы глупо вот так просто заморачиваться из-за обиденных вещей, которые я сама же себе и накрутила. В конце концов, каждому человеку снятся кошмары. Особенно учитывая нынешнюю обстановку в городе, это неудивительно. Видимо, подсознательно я все-таки частично боялась, что однажды и я могу пропасть в недрах туннелей метрополитена.

До места встречи — заброшенный завод — нужно было идти вдоль дороги, а затем через лес. Раньше, меньше десяти лет тому назад, лес был гораздо ближе к городу, но в последнее время город разросся, поэтому деревья стали вырубать, чтобы проложить дорогу к новостройкам. Также отстроили новые ветки в метро, чтобы людям было удобнее добираться до ранее заброшенных окраин города. Такие темпы развития порой могли пугать, но только не городского современного человека.

Я решила, что отвлечь меня сможет моя доска, поэтому резво извлекла ее из чехла. Я встала на скейтборд и ощутила привычный прилив сил, который чувствовала всегда, когда каталась. Такое не предать словами — лучше, чем любой наркотик. Легкое и невесомое чувство адреналина в крови, которая начинает бить в голову при каждом ускорении и толчке. Разгон пошел быстро и плавно. Приятный ветер бил в лицо, отбрасывая непослушные волосы назад. Я мгновенно заулыбалась, поняв, что в моей жизни все в порядке и нечего беспокоиться по пустякам, зря растрачивая нервы. Я никогда не любила волноваться и истязать себя мучительными раздумьями о какой-либо проблеме. Мой девиз в любой затруднительной ситуации был таков: «Если не можешь решить это прямо

сейчас, то ты ничего не можешь с этим сделать, значит, оставь это дело в покое, пока решение не придет само собой». В большинстве случаев подобное помогало. Особенно тогда, когда я еще училась в школе. Сейчас же мне было гораздо проще, так как система оценивания, обучения и отношений в институте совершенно иная. Несмотря на то, что я только на первом курсе в свои шестнадцать лет, у меня уже сложились за этот год весьма приятные отношения с одноклассниками. Поначалу мне казалось, что, перепрыгнув через один класс в начальной школе, я буду сильно выделяться своим возрастом, но на деле все оказалось не так страшно. В институте все меня знали и хорошо ко мне относились, поэтому каких-то сильных затруднений во время учебы я не испытывала. В школе выживать было гораздо труднее, и на то свои причины. Подростки гораздо глупее, а потому агрессивнее, нежели молодежь в институте, которая в большинстве своем уже определилась, чего хочет от этой жизни, и занимается своими делами. Именно поэтому в педагогическом институте мне было комфортно, а о школе я даже и не вспоминала особо, потому что связь с одноклассниками после выпускного поддерживала мало.

На дороге уже к половине седьмого утра начали появляться машины, хоть и не так много, как в будние дни. Обычно я приезжала сюда только по случаям сходимки, но иногда у меня бывало такое настроение, что хотелось устроить одиночную катку в каком-нибудь огромном полузакрытом помещении, где не было бы ни души. Скейт-парки подходили для такого состояния мало, ибо там постоянно было слишком много народа, и мне приходилось ездить через весь город на заброшенный завод, дабы ощутить себя в полной мере свободной. Благо такие состояния на меня находили не чрезмерно часто, поэтому проблемой это не являлось. Местные скейтеры из города побаивались в одиночку соваться в это место, ссылаясь на дурные суеверия и прочее. Я хоть и не была сухим и строгим скептиком, все же верила не во все подряд, отбирая лишь то, что звучит как правда. А неупокоенные призраки, восставшие зомби на заводе — это просто нелепо, поэтому бояться там было нечего. Хотя многие ребята поговаривали, что видели там того самого маньяка, из-за которого в метро стали пропадать люди. Но это звучало еще более смешно, чем байки о голодных мертвецах и злых духах, ведь завод находился от ближайшей станции в сорока минутах ходьбы. Я думаю, что господин маньяк выбрал бы себе

более близкое и удобное место для убийств и расчленения своих жертв.

По мере того, как я отдалялась от городской суеты, мне становилось легче дышать и ощущать себя не прикованной к каменно-бетонным джунглям. Хотелось прямо сейчас взлететь вместе с доской, как птица в поднебесье, и улететь далеко-далеко от всего на свете. Подобная нирвана снисходила на меня довольно часто, и я любила это чувство гравитационной эйфории, которая была не чем иным, как проявлением самого космоса, самой вселенной. Все-таки есть в мире счастье, и это счастье именно сейчас я ощущала у себя под ногами, несясь на нереальной скорости впереди своей жизни. Иногда мне казалось, что конкретно в этот период своего бытия я нахожусь на пике возможностей, именно сейчас передо мной открыты все двери, и я вольна выбирать ту, которая приглянется мне больше остальных. Так я и поступала, и это было настоящее благословение. Нет ничего прекраснее выбора, в котором не важно твое решение, потому что он в любом случае окажется лучше других.

Солнце начинало всходить и набирать силу. Оно распространяло слепящую яркую энергию повсюду, касаясь всего живого на земле. Власть дня брала свое. Свет окутывал дорогу, атмосферу и небо, подгоняя ветер, который ласкал своим чудным дуновением кроны деревьев и верхушки кустарников, травинки. Я вскинула взгляд к голубому небосводу, который, как титан, сковывал своими сильными руками неугомонное солнце, будто бы держа его в невидимой узде, не давая испепелить все вокруг. Не было ни облачка, а это означало только одно — день сегодня будет замечательный, и ничто не испортит сходку, даже погода, над которой не властно ни одно существо в мире. Я еще шире заулыбалась от подобной мысли и ускорила, сильнее отталкиваясь от земли. Хотелось оказаться на месте пораньше остальных, хоть это физически и было невозможно, но я продолжала тешить себя надеждой о первенстве своего прибытия. Но вот уже дорога оканчивалась, уходя резко вправо. Слева же красовался своими темно-зелеными громадами лес, больше напоминающий могучий скалистый хребет. Все-таки окраины города я любила именно за их природу, которая очень сильно контрастировала с простирающимся поодаль городом с его высотками и небоскребами. Было в этом что-то завораживающее. Я жестко затормозила, оставив после себя на ас-

фальте еле заметный темный след. Ногой подкинув доску кверху и схватив ее рукой, я ловко перелезла через ограждение и осмотрелась на местности — дикая природа во всей своей красе. А позади остались душные фабрики и затыжные пробки с многочисленными нервными и злыми людьми. Здесь начинался другой мир, здесь все было по-иному, и мне это нравилось.

По протоптанной дороге было тяжело ехать, так как колеса скейтборда вечно попадали в мелкие выбоинки или увязали в грязи. Приходилось топать пешком. Пробиваясь сквозь густые заросли и еловые ветки, я поймала себя на мысли, что не встретила ни одного скейлера на своем пути, что странно, ведь обычно по дороге на сходку я пристраивалась, как минимум, к одной группе ребят с досками. Сегодня же не было рядом со мной ни души, и вновь поганые мысли окутали мой разум. Животные тут тоже уже давно не водились, так как их спугнули строители, которые работали на новостройках, и шум дороги. На мгновение даже мне показалось, что в ушах снова колом встали те самые жуткие звуки, которые я слышала в своем сне. Я тряхнула головой, стараясь забыть, забыть этот ужас. Мне это удалось, хотя какой-то невидимый осадок все-таки пластом опустился на мою душу, покрыв ее пеленой волнительного удушья. Оставшуюся дорогу я продвигалась без каких-либо остановок, поэтому, когда показалась полуразрушенная крыша грязно-желтого каменного массивного строения, я выдохнула с облегчением. Тут уже слышались и голоса, и смех, и звуки стучащих колес о твердую поверхность. Я дома...

Стоило мне появиться перед ребятами, всеобщее внимание тут же перекинулось на меня. Скейлеры оживились, слышался довольный рокот, и меня немедленно окружила толпа приветствующих скейтбордистов. Конечно же, ко мне подошли не все, но те, кто знал меня и уважал, быстренько подоспели к общей гурьбе.

— А мы думали, ты уж не придешь! — из толпы выбилась моя лучшая подруга Диана. — Обычно ты, как минимум, за полчаса до сходки объявляешься!

— Да... что-то задержалась в этот раз, — улыбнулась дружелюбно я. Диана тоже широко улыбалась мне, хотя в глазах ее я отчетливо видела скачущие нотки тревоги — все-таки я слишком хорошо знала подругу.

— Идем, мы вот-вот начнем! — подбежал Вова — парень из моей группировки и просто отличный друг.

Я еще раз многозначительно взглянула на Диану, и та, кажется, вздрогнула, внезапно перестав улыбаться. Что с ней происходит?

Сходка проходила в привычном ритме, ничто не выходило за рамки. Все было обычно, но обыденность в данном случае — это хорошо: никто не ломает руки, ноги, не разбивает голову, не дерется и не скандалит. Хотя на памяти скейтеров и не такие разборки и трагедии случались. Я помню, что пару лет назад один скейтбордист сломал себе тут шею. После этого инцидента сходки не назначались около трех месяцев, но потом все постепенно вернулось на круги свои. Я откатала около четырех часов, соревнуясь с парочкой ребят, которые возомнили себя королями верта и стрита. Победить их не составило огромного труда, так что я безукоризненно справилась со всеми препятствиями, доказав свое превосходство. Атмосфера была дружественная и веселая. Но только спустя какое-то время я все-таки заметила, что что-то не так. Обыденность обыденностью, но среди ребят витал какой-то панический угнетенный дух. Это было ощутимо не сразу, но, прислушавшись к минорным интонациям их голосов, вчитавшись в их испуганные взгляды, я поняла, что произошло что-то скверное. Я решила выяснить, в чем дело.

После еще одной катки я подошла к Диане, которая сегодня отчего-то каталась неохотно, как и остальные ребята из моей группировки. Стоило мне приблизиться к их компании, которая устроилась кружком в углу верхнего помещения с отсутствующей стеной, я услышала напряженные перешептывания и даже вскрики.

— Эй, — обратилась я к ним, встав неподалеку. — Что происходит?

Ребята тут же переглянулись и, кажется, одновременно нервно сглотнули. Диана приковала ко мне печальный взгляд ярко-голубых глаз. Она уже не улыбалась.

— Ты еще не в курсе? — спросил с какой-то неестественной интонацией Гоша.

— В курсе чего? — чуть раздраженно покосилась я на того. Меня бесило, что они так нагнетают обстановку. Сказали бы сразу, в чем дело!

— Трое ребят из группировки «Изживленные» пропали, — траурно ответил Гоша, опустив глаза.

— Как пропали? — удивилась я. У меня из рук даже чуть не выпала доска.

— Опять этот подземный маньяк активировался. Они позавчера зашли в метро, так и не вышли, — оповестила меня очнувшаяся Диана. Я оглядела ее. Диана была сегодня не такой, как всегда. Ее голубые глаза светились страхом, а не радостью, нежное личико побледнело, а розоватый привычный румянец и вовсе пропал. Светло-русые волосы, обычно заплетенные в косу или высокую затейливую прическу, были распущенными и растрепанными. Кажется, это и вправду ее пугало и волновало до глубины души. Осмотрев остальных ребят: Гошу, Вову, Виталика, Антона, Катю и Диму, я пришла к такому же выводу — они все жутко боялись. В наших кругах и раньше обсуждался так называемый журналистами «подземный маньяк», но мы и подумать не могли, что когда-нибудь это коснется и нас.

— Черт... и что теперь? — я не знала, что и сказать. Меня тоже порядком начала пугать вся эта ситуация. Неужели он и к нам протянул свои кровавые руки?

— Я думаю, что скоро сходки совсем прекратятся, — услышался типично дерзкий голос Антона, который вальяжно развалился на коленях у Кати — они встречались. — Глянь, народ уже поредел знатно. — Антон рукой указал на окружающих нас скейтеров. Я повернулась, чтобы оценить масштаб катастрофы, и ужаснулась. Действительно, обычно на сходках кишмя кишело скейтбордистами, но сегодня нас было даже меньше сорока человек, хотя в такие дни собиралось больше двух сотен.

— Я поначалу как-то и не обратила внимания, — призналась я. — Думала, что остальные подкатят позже.

— Нет, — покачал вместе с ребятами головой Гоша. — Все напуганы до чертиков. Боятся ездить на метро, а добраться сюда другим путем довольно затруднительно. Ведь на дорогах через центр стоят общепринятые непроходимые пробки.

Я напряженно посмотрела на компанию, и по спине моей побежали предательские мурашки. Я не хотела поддаваться страху, но он об этом меня не спрашивал и уже свободно разгуливал по просторам моего сознания. Всеобщая паника охватила и меня тоже.

— Это значит, что следующая сходка... — начала грустно я.

— ...возможно, и не состоится, — не менее опечаленно продолжила за меня Диана, обняв израненные шрамами колени. Я тяжело вздохнула и села в круг к своим приятелям рядом с Дианой.

Она положила голову мне на плечо и начала судорожно дышать. Бедная моя подруга...

Ребята старались говорить на отвлеченные и повседневные темы, маскируясь под фальшивыми шутками и смехом, но мы с Дианой чувствовали, что их нервы натянуты, как струны гитары под давлением, и что в любой критический момент они могут лопнуть. После получаса таких бессмысленных посиделок я мягко взяла подругу под локоть и вывела из круга. Гоша с Виталиком нейтрально глянули на нас и вернулись к общему обсуждению.

— Пойдем-ка покатаемся, а то ты совсем на месте засиделась, — мне очень хотелось отвлечь мою любимую Диану от траурного настроения, и сделать это можно было только посредством катания на скейте. — Грусть грустью, но эту сходку надо отработать как следует.

Диана слабо улыбнулась и вытащила из чехла свою доску. Мы опроретью наперегонки бросились вниз к трамплинам. Мы решили начать с рампы, а потом перейти к перилам и ступеням. Все-таки рампа для нас с Дианой была традиционным развлечением. Мы, как маятники, разгонялись сначала в одну сторону, потом в другую, выделявая в воздухе всевозможные трюки: грайндсы, вращения, грэбы и прочее. Она была очень талантливой скейтбордисткой и отдавалась этому увлечению всецело, как и я. Мы были схожи с ней в фанатичном отношении к скейтбордингу, к тому же могли доверять друг другу все что угодно. Между нами сложились очень теплые и доверительные отношения. Уж и не помню, сколько лет мы вместе с Дианой, но казалось, что всю жизнь. Она всегда была для меня поддержкой и опорой, я могла рассчитывать на нее в любой ситуации.

Вскоре к нам присоединились Вова и Виталик. Виталик старался подражать мне и Диане, а Вова остался рядом с рампой и стал снимать нас троих на телефон.

— Ого, Соня! Будет что показать одногруппникам! — рассмеялся он, когда я вновь проделала весьма экстремальное вращение в воздухе. Кажется, атмосфера веселья вновь начала возвращаться к нам. Я отпустила все мысли и сосредоточилась только на доске. Спустя какое-то время вокруг нас собралась уже приличная толпа из присутствующих скейтеров, и мы почувствовали себя с Дианой настоящими звездами. Такое бывало на демо-выступлениях, когда

все твои прыжки и трюки оценивали высшими баллами. Когда же мы перешли на уличный стиль и перекинулись на ступени и перила, вокруг нас было уже не так много народа, так как половина разъехалась. Опять-таки странность: обычно почти все засиживались чуть ли не до поздней ночи. Неужели они настолько трусы? Не понимаю...

Спустя время, когда силы уже были на исходе, я остановилась. Ко мне подъехала Диана, которая вновь стала отчасти собой.

— Где все? — огляделась я. Вокруг нас было всего человек десять, и даже эти люди уже забирали свои доски, собираясь по домам.

— Так смеркается же, — задорно выпалила с усмешкой Диана, уперев руки по бокам. Теперь я узнавала в этой девчонке свою лучшую подругу. Такая Диана нравилась мне куда больше.

— Оу, а тут все у нас такие трусы?! — специально громче обычного обратилась я к оставшимся. Они обернулись на мой вызывающий голос, но тут же угрюмо вернулись к своим делам.

— Ну и фиг с ними! Я тут до последнего, ты со мной? — глянула я инициативно на Диану. Она сначала помедлила, проявив неуверенность, но, тряхнув головой, вернулась в норму и ответила бодро:

— А как же! Пусть только нюни и слюнтяи бегут по домам! — так же громко, как и я, рассмеялась она, обращаясь как бы к присутствующим с иронией. Когда остались только мы с Дианой, я почувствовала настоящую свободу в движении. Мы были, как всегда, лучше всех, мы летали по заброшенному заводу, как птицы в небе. И никто в этот момент нам не был указам, мы могли делать все что угодно. Мы смеялись и иногда переговаривались, заряжаясь духом соперничества и пытаясь показать себя с лучшей стороны. Завод же, казалось, принимал нас с распростертыми объятиями, гордясь нашей смелостью и отвагой. Его полуразрушенные крошащиеся грязные стены отзывались гулками уханьями, когда мы проезжали на бешеной скорости мимо, пронося с собой живую одухотворенность. Этот завод настолько древний, что был разрушен задолго до нашего рождения. По-моему, на нем произошел какой-то взрыв, и его закрыли, не захотев чинить и приводить в прежнее рабочее состояние. Бледно-желтые стены в чумазах разводах и граффити могли рассказать многое о своей нелегкой истории, но мы не хотели слушать, чтобы не расстраиваться еще больше. Мы хотели лишь наслаждаться настоящим, не задумываясь о печальном

и трагичном прошлом. Это было время нашего поколения, которое использовало здание по своему собственному назначению, и завод был не против. Теперь он нужен, теперь его используют, и в какой-то степени им дорожат. Его настолько сильно забросили в свое время, что он во многих местах порос мхом и другими вьющимися растениями, которые карабкались по его стенам своими цепкими зелеными руками. Рядом его окружили непроходимые сосны и ели, которые не подпускали чужие глаза к нашему тайному месту, о котором знали лишь те, кому действительно это было нужно. Я искренне любила эту заброшку, ведь именно тут я могла ощущать свою священную обитель, в которой никто не мог мне помешать, никто не мог нарушить идиллию единения с природой и доской. Это было поразительно, но завод служил местом своеобразного отпущения грехов и других проблем. Словно храм — я приходила сюда, но вместо молитв и исповедей я каталась и ощущала полноценное очищение от всего накопившегося во мне негатива и зла.

— Фух, я лично выдохлась... — упала назад Диана, отбросив случайно ногой доску. Она отъехала и врезалась в противоположную стену. Было уже совсем темно. Я поняла, что пора собираться домой, ибо перспектива кататься в темноте ночью грозила лишь переломанными костями или, как минимум, разбитыми локтями и коленями.

— Слабачка, — я подъехала к ней и победоносно улыбнулась.

— И все равно я круче тебя катаюсь! — не сдалась она, хотя усталый голос Дианы говорил о своем.

— Ладно-ладно, мы обе красотки. Давай собираться. А то и вправду уже ночь скоро... — мрачновато оглянулась я. Какая-то тревога зашевелилась в моей душе. Лес готовился принимать ночных гостей, и нам здесь явно было не место. Но мы долго ждать не заставили, быстренько вылетев из лесной зоны и оказавшись на дороге, а оттуда на досках уже рукой было подать до ближайшей станции.

— Надо бы поторопиться, а то метро закрывается меньше чем через полтора часа, — обеспокоенно обратилась ко мне Диана.

— Боишься наткнуться на подземного маньяка? — усмехнулась я, хотя в душе все задрожало.

— Да, — честно и не без горечи в голосе призналась она, глядя прямо на дорогу перед собой.

Я хотела подколоть ее, но подумала, что это будет не лучшей идеей в данной ситуации. Я засмотрелась на Диану, на ее серьезное выражение лица, которое освещалось лишь проносющимися

мимо фонарями. Отчего-то мне стало не по себе, словно я ехала сейчас не рядом с Дианой, а с какой-то незнакомой мне девчонкой, от которой стоит ожидать враждебности, но я быстро прогнала подобные злые видения.

Тем временем на город уже совсем опустилась ночь, покрыв его равномерно своей черной похоронной вуалью. Звезды в небе виднелись редко из-за грязно-лиловых пористых облаков, которые словно не хотели, чтобы кто-то посторонний любовался красотой сияющих звезд. Они хмуро и подозрительно поглядывали на нас с высоты своего неспешащего полета. А мы делали вид, что просто едем к метро по своим делам и ничего не замечаем. Вдали шумел город и горели тысячами огней высотные дома. Где-то отдаленно слышалась музыка, а где-то вой сирены, где-то гудение машин, где-то грохот стройки — город погружался в ночную жизнь, но все мирные жители давно уже разошлись по домам, чтобы отойти ко сну. Воздух заметно похолодел и стал сильнее резать лицо, врезаясь в нас. Ветер словно переменялся в настроении, став в мгновение ока злым и жестоким всадником, который мчится на резвом коне вдаль, снося острым мечом все и вся на своем пути. Глаза начали слезиться от такого животрепещущего потока, который и не думал сжалиться над нами. Диана, кажется, совсем зарделась и уже не могла даже нормально ехать на скейте. Она то и дело спотыкалась, останавливаясь. Я уже начала жалеть, что задержала ее на столь долгое время в заброшенном здании. Душевное равновесие явно покинуло мою подругу, но я начала травить байки и анекдоты, и та тут же развеселилась, начав смеяться и отвечать на шутки шутками, а не унылыми взглядами. Вскоре уже показалась ярко освещенная станция метрополитена. Мы быстренько спрятали доски в чехлы и направились ко входу в метро. Диана снова начала нервничать, хотя виду старалась не подавать, но от меня ничто не скроется. Я замечала даже самые крохотные мелочи в поведении подруги, которые отличались от нормы. К примеру, то, как неуверенно она взялась за широкую ручку двери, как боязливо прошла через турникет, как неуклюже ступила на эскалатор — все это говорило мне о жутком и лихорадочном напряжении внутри Дианы. Пока мы спускались вниз, я обратилась к ней со всей своей заботливой мягкостью в голосе:

— Эй, не бойся. Если что, то вдвоем он нас не тронет.

Она жалобно взглянула на меня и, немного поразмыслив, произнесла:

— Те ребята — парни — вообще втроем были. И что?

— А то, что с ними не было меня, — я заулыбалась самодовольно, указывая на себя большим пальцем. Диана хило усмехнулась.

— Ты, как всегда, сама уверенность. Мне бы чуть-чуть твоей смелости, проблем бы не было, — после этой депрессивной фразы она отвернулась. Я закатила глаза и решила больше не поднимать тему касательно исчезновений в метро, не хватало мне тут еще более упаднических настроений со стороны подруги. Я и сама порядком волновалось, хотя, в отличие от Дианы, умело не показывала этого.

В вагоне с нами ехали еще два человека: пожилой мужчина и молодая женщина. Вагоны по бокам были абсолютно пустыми. Неестественно яркий искусственный свет падал сверху, освещая все шероховатости, неровности и мелкие поломки. В конце вагона валялась упаковка из-под орешков, подрагивающая от каждого движения поезда. Что-то во всей этой атмосфере вновь стало навевать на меня некий безысходный ужас, которым был пропитан весь состав. Пожилой мужчина выглядел вполне спокойным — он читал газету, поглядывая изредка на рекламные щиты сквозь стекла очков. Женщина же копалась в своем телефоне и, судя по кокетливой улыбке, смотрела на что-то приятное ей. Может, перечитывала какую-нибудь трогательную переписку. Из одного ее уха торчал белый наушник, а второе ухо было свободным. Вроде бы ничего особенного, да вот только внутри меня билось неистовое смятение, которое не способно было подавить ничто. Диана, кажется, задремала, вновь пристроившись на моем плече. Она тихонько посапывала, и это облегчало мне душу. Я была спокойна за подругу. Сейчас ее явно ничто не могло побеспокоить. Вдруг поезд резко затормозил. Он сделал это настолько неожиданно и хлестко, что мы с Дианой завалились набок, молодая женщина со вскриком выронила телефон, а мужчина и вовсе повалился вперед и на пол.

— Что происходит?! — тут же пришла в себя Диана, широко выпучив глаза и оглядываясь по сторонам. Я услышала, как бешено забилося ее сердце. Ну вот! Прощай успокоение...

— Не знаю... — ответила я, тоже озираясь. — Кажется, внеплановая остановка.

— Какая еще внеплановая остановка в двенадцатом часу ночи?! — запаниковала Диана не на шутку, схватив меня за руку.

— Девушки, успокойтесь, — обратился к нам мужчина приятным, но старческим баритоном, тяжело поднимаясь на ноги. — Такое случается. Сейчас поедем.

Мы с Дианой переглянулись и уселись обратно на места. Молодая женщина подняла телефон, придирчиво его осмотрев. Судя по ее реакции, он не разбился, так как она осталась довольна. Все пассажиры молча уселись обратно и принялись спокойно заниматься своими первичными делами. Меня же не покидала копошащаяся тревога, а Диану и вовсе трясло так, словно она вставила вилку в розетку.

— Все будет хорошо. Такое действительно бывает, — пыталась утихомирить я дисфорию моей подруги. — Скоро тронемся.

— Ага, — дрожащим голосом выдавила она, чуть ли не плача, — умом!

— Диана, — я приобняла ее и взяла ласково за руку, — ну не стал бы маньяк тормозить целый поезд. На него так бы очень легко было выйти.

Она недоверчиво взглянула на меня, сверля своими голубыми глазами, но мне удалось выдержать этот напор, и Диана попыталась унять нарастающую внутри нее истерику. Вскоре паника перекинулась и на мужчину с женщиной, потому что мы сидели вот так уже больше двадцати минут.

— Может, с машинистом связаться? — предложила женщина, проходя к динамику с кнопкой связи.

— Думаю, было бы неплохо, — натянуто улыбнулась я ей. Она равнодушно посмотрела на меня и только хотела нажать на кнопку связи с машинистом, как в вагонах внезапно погас свет.

— А-а-а-а! — завопили дуэтом Диана и молодая женщина.

— Спокойно! — вскочила я, поднимая за собой Диану. — У всех должны быть фонарики на телефонах!

Я, Диана и пожилой мужчина начали копаться в карманах. Первая зажгла свет женщина, так как телефон она всегда держала при себе. Она осветила присутствующих ярким иссиня-белым светом. Затем уже подоспели мы с подругой. А вот пожилой мужчина пожал удрученно плечами, демонстрируя свой старенький допотопный телефон без каких-либо современных гаджетов.

— Так, отлично. Теперь попробуйте связаться с машинистом снова, — стала отдавать распоряжения я. Диана незаметно заплакала. Я многозначительно посмотрела на нее, мол, перестань

разводить сырость, но та только отвернулась. Я не стала пока что трогать ее — пусть прорывается и выпустит насаду. Пришлось подойти к женщине, так как она стояла в ступоре, боясь даже пошевелиться. Я нажала на кнопку, вдавив ее с такой силой внутрь, что мне позавидовал бы колосс.

— Эм... извините... господин машинист, что происходит? Что случилось? — обратилась громко я, придвинув лицо поближе к динамику. Но в ответ мне слышались лишь помехи и какой-то белый шум.

— Меня слышит кто-нибудь?! — воскликнула я злобно, надавив на кнопку еще сильнее, но в ответ все тот же неразборчивый шум, все те же механические помехи.

— Нам конец... это наверняка подземный маньяк, его рук дело! — завизжала женщина. Я сердито уставилась на нее, сдвинув брови домиком. Я взглядом указала ей на плачущую Диану, и она тут же замолчала, поняв, к чему я клоню. Меня и саму порядком начала приводить в панику подобная чрезвычайная ситуация. Вспомнить бы уроки ОБЖ, что там нам рассказывали про такие происшествия?

— Где-то должен быть аварийный люк, — спохватилась я, стукнув кулаком по ладони. Кажется, из трезвомыслящих осталась тут только я. Я привлекла к себе Диану и усадила ее на крайнее место рядом с отверстием, напоминающим люк. В полу, по крайней мере, виднелись прорези и рукоятка. Я опустилась на карачки и принялась лихорадочно ощупывать пол, мне даже удалось поднять ручку, но вот сам люк никак не хотел поддаваться.

— Грх! — кряхтела я от натуги, пытаюсь поднять крышку, но она и с места не думала сдвинуться. — Тоже мне, аварийный люк! Его же не поднять даже...

— Давайте помогу, — пришел в себя пожилой мужчину, садясь рядом со мной на пыльный пол. Он примостился рядом и тоже стал тянуть изо всех сил, но этого было явно недостаточно.

— Что за напасть-то такая?! — ругалась я, уже вспотев от усилий.

— Соня, это бесполезно, — слезливо сказала Диана, хватаясь рукой за поручень.

— А что ты предлагаешь делать? — посмотрела я на нее беззлобно, хотя эмоции переполняли меня.

— Может быть, просто подождем. Рано или поздно о нас должны спохватиться, — разумно предложила женщина, усаживаясь

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru